

ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ — философское понятие, фиксирующее мыслимые состояния бытия, альтернативные наличному. Философия как феномен, реализующий себя на мета-уровне культуры в процессе формирования прогностических моделей мира, в сущности может быть рассмотрена как духовная деятельность по концептуальному моделированию В.М. Трактовки бытия, предлагаемые в рамках античной философии, варьируют в своем многообразии все мыслимые для античной культуры версии мироустройства: гераклитовское «все течет» и неподвижное Бытие элеатов, предельная гомогенность элеатского Бытия, бесконечная делимость подобочастных Анаксагора и атом как предел делимости у Демокрита и т.п. В концептуальном пространстве философских моделей античности имманентно присутствует презумция В.М., эксплицирующая себя в таких структурах их содержания, как соотношение между

Космосом и архэ.

Интерпретируемое в семантическом поле понятий возможности и действительности субстанциальное первоначало мира мыслится как «то, что вечно» в отличие от преходящих миров-«эонов» (век в значении временного отрезка и судьбы как его событийной наполненности). Согласно принципу исономии («не более так, чем иначе»), архэ последовательно воплощается в различных мирах, представляющих собою возникающие и деструктурирующиеся айоны — реализованные судьбы архэ, Космос за Космосом.

В этом контексте первоначало может быть интерпретировано как квазивозможность, потенциальные зоны — как В.М., а наличный мир в качестве действительности предстает как актуальная на данный момент воплощенная возможность, одна из многих. Таким образом, экстраполяция на наличное бытие принципа исономии означает, что мир устроен «не более так, чем иначе», что действительность — лишь одна из возможных версий бытия. Это конституирует в античной философии проблему В.М. как имманентную, а в ряде случаев и артикулированную эксплицитно: «существует в бесконечной пустоте бесконечное множество миров», «существуют иные небеса и иные миры в них» (Демокрит).

В рамках средневековой схоластики проблема В.М. остро проявляется в философской концепции

Иоанна Дунса Скота, обозначаясь в контексте известной схоластической дискуссии:

творит ли Бог мир по разуму или по воле своей?

Однозначно отдавая предпочтение второму сценарию космотворения, Иоанн Дуне Скот строит принципиально волюнтаристическую модель креации как абсолютно интерминированного акта: Бог в акте свободы воли, не руководствуясь никакими внешними факторами, творит мир, исходя из собственного нерелефлексированного импульса.

В этой связи модальная логика Аристотеля переосмысливается Иоанном Дунсом Скотом — в духе средневекового реализма — как модальная теория бытия: наш мир как действительность, сущее, наличное бытие — лишь один из бесконечного множества потенциально возможных, в сослагательном перфекте, миров, и причина реализации Богом этого, а не иного проекта принципиально непостижима даже для Божественного разума. Это очерчивает радикально новый горизонт трактовки свободы в европейской культуре.

Трактуемая доселе как свобода воли — в силу ее артикуляции в социально-политическом приложении — свобода осмысливалась как отсутствие внешнего целеполагания, деятельность по собственному внутреннему побуждению (что конституирует свободу лишь на уровне субъектной составляющей деятельности, в принципе не снимая несвободы, задаваемой объективными параметрами внешней среды как условия протекания деятельности и позднее имплицитно зафиксированной в марксистском определении свободы как «познанной необходимости»). В отличие от этого, в скотизме сфокусированная на Бога свобода, сопрягаясь с абсолютностью любых возможностей, фактически оказывается тотальной. В новоевропейской философии идея В.М. актуализируется Лейбницем в контексте проблемы необходимости и случайности: «необходимо истинное» трактовалось им как универсально характерное для всех без исключения В.М., а «случайно истинное» — как встречающееся лишь в некоторых из них.

Обрисованные философские идеи задают в европейской культуре вектор, инспирирующий фундаментальную разработку проблемы В.М. в рамках логической семантики и вероятностной логики (вплоть до рассмотрения интерпретации как процедуры конституирования В.М. как предметных). «Принцип терпимости» Карнапа, позволяющий произвольно задавать параметры как игровой речевой коммуникации, так и концептуального конституирования онтологии, задает вероятностную глубину артикуляции идеальных объектов, выступающих сферой верификации любого формализма («описания состояния») как В.М. вне прямой онтологизации. В аналитической философии С.А

.Крипке фиксируется примат объективной модальности (модальность *de re*) над языковой модальностью (*de dicto*). В этом контексте в работах Крипке оформляется концепция «имен собственных» как очерчивающих свои десигнативные значения, не апплицируясь однозначно на предметный денотат. В отличие от именде-сигнаторов, изоморфно сопряженных с предельно определенным денотатом и выполняющих свою референтную функцию в любом из В.М., «имена собственные» в иных В.М., сохраняя свое десигнативное содержание, могут иметь в качестве денотата иную предметную область.

Семантика В.М. как модальная концепция в контексте неклассической логики была разработана

Хинтиккой с учетом игровой интерпретации логических процедур (см. Языковые игры). Серьезное содержательное продвижение проблематики В.М. было осуществлено в работах С.Кангера, Р.Монтегю, А.Прайора, А.Мередита, И.Томаса и др.

В силу принципиально статистической природы закономерностей исторического процесса, социально-философская прогностика не может не конституироваться в качестве моделирования гипотетических В.М., понятых в строго социальном смысле — как миры возможных социальных жизнеустройств. В этой связи любой транзитивный период истории — это потенциальный звездный час философии, обладающей интеллектуальным и прогностическим потенциалом для удовлетворения социальной потребности в перспективных моделях развития, стратегиях социальных реформ и т.п.

Реализация философией своей прогностической функции применительно к социальной сфере, предполагающая в качестве своего исходного нулевого цикла трактовку наличного социального устройства как существующего «не более так, чем иначе», оказывается далеко не индифферентной для социального контекста и воспринимается отнюдь не в академической шкале ценностей, остро ставя проблему соотношения философии и власти.

В этом контексте адекватная реализация философией своей исконной прогностической функции требует в качестве своих условий демократического государственного устройства и соответствующего ему идеала плюральности мнений. Идеальный вариант функционального соотношения философии и власти может быть эксплицирован как последовательное моделирование философом (на основе ретроспективного изучения исторического опыта) прогностических сценариев возможного развития системы, исходя из ситуации, сложившейся к моменту создания прогноза; последующие их оценка и

селекция субъектом принятия политических решений и, наконец, принятие решения со знанием дела. В тоталитарном же контексте эта последовательность оборачивается с точностью «до наоборот»: исходным пунктом выступает принятие волевого решения власти, философии же вменяется в обязанность не свойственная ей апологетическая функция, что влечет за собой своего рода паноптизм по отношению к философским исследованиям со стороны власти, инспирирующий, в свою очередь, вымывание креативных кадров из исследовательских направлений социальной ориентации.

Предметная структура философии перестает воспроизводиться, а приток конъюнктурных кадров в данные области лишь усугубляет проблему. История демонстрирует огромное число примеров такой ситуации: от государственного управления Древнего Китая, блокирующего интеллектуальный потенциал нации посредством системы мандарината и сведшего на нет постконфуцианскую социально-философскую проблематику в китайской культуре этого периода, до советского опыта идеологизации философии, блокировавшего креативно-прогностический потенциал социальной философии в силу своей альтернативности самой возможности концептуального моделирования В.М.

М.А. Можейко